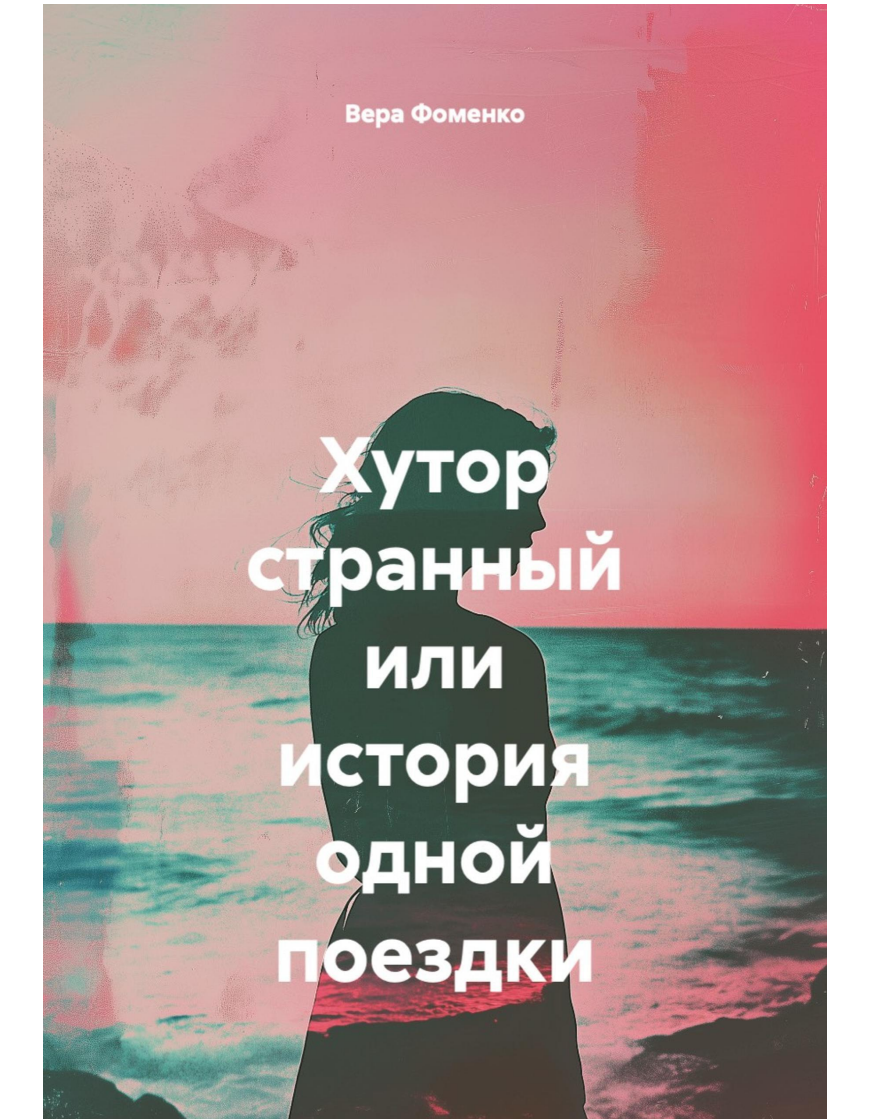

Вера Фоменко

The background of the entire page is a photograph of a person's silhouette from the waist up, standing on a rocky shore and looking out at the ocean. The sky is a vibrant mix of orange, red, and pink, suggesting a sunset or sunrise. The water is a deep blue-green. The person's hair is blowing in the wind.

Хутор странный или история одной поездки

Вера Фоменко

Хутор странный или история одной поездки

<https://litres.ru/74605282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фотограф Прасковья отправляется на Алтай, чтобы отдохнуть от городской суеты и узнать больше о своих предках. Так она оказывается на затерянном среди степей хуторе Странном, где живут всего несколько человек — каждый со своей непростой судьбой и тайнами прошлого.

Знакомство с необычными хуторянами, загадочные происшествия, старинные семейные предания и поиски исчезнувшей швейной машинки «Зингер» превращают обычную поездку в удивительное приключение. Здесь Прасковье предстоит прикоснуться к истории своего рода, столкнуться с необъяснимым и понять, что порой именно вдали от привычной жизни человек находит своё настоящее счастье.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Прасковья	5
Глава 2. Встреча	16
Глава 3. Акакий	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Фоменко

Хутор странный или история одной поездки

Глава

Автор: Фоменко Вера Михайловна

Хутор странный или история одной поездки

Глава 1. Прасковья

Эта история произошла прошлым летом с моей лучшей подругой.

Прасковья, или Прося, как зовем ее мы, близкие к ней люди, — необыкновенная девушка. У нее очень яркая внешность: высокий рост, копна белокурых волнистых волос, зеленовато-голубые глаза и очаровательные ямочки на щеках. От таких девушек мужчины столбенеют, не знают, что сказать, и несут обычно всякую чушь. То же происходит и с Просей, но только в первые минуты. Когда дело доходит до имени, она протягивает руку и говорит: «Рада познакомиться, Прасковья!»

Лицо мужчины расплывается в улыбке, вся его напряженность отступает (девушка с таким именем — свой человек!). И он начинает вести себя как обычно, то есть говорить о себе, о работе и так далее. Прося садится рядом и слушает его, и, кажется, лучшего слушателя нет во всей округе.

Она перезнакомила всех своих подруг со своими поклонниками. Многие вышли замуж, родили детей. А Прасковья в свои 27 лет была одинока, но это не делало ее занудой или злобной. При этом она оставалась доброй и веселой девушкой, душой компании. Подруги никогда не ревновали ее к своим мужьям, а когда говорили, что идут погулять в компанию, где будет Прося, те спокойно отпускали, так как знали,

что там ничего «такого» не случится.

Прося занималась фотографией, и у нее есть своя фотостудия «Росинка». Дела шли неплохо. Маленькая уютная студия в центре города приносит небольшой, но стабильный доход. Работали с ней еще Алиса и Василий — молодые ребята, на которых можно было положиться, так как Прося часто уезжала на фотосессии, фотовыставки. И, конечно, незаменимым человеком была Вера Михайловна. Женщина неопределенного возраста, но которой было глубоко за пятьдесят. Она приходила в салон самой первой и уходила самой последней. Чистота, уют, вовремя выполненная работа — все было на ней. Главное — «дети», как она звала всех работников, включая Прасковью, были под присмотром, накормлены вовремя и всегда в хорошем настроении.

В салоне и правда всегда царила атмосфера доброжелательства. Клиенты, заглянув сюда раз, приходили потом постоянно.

У Проси есть хобби — она обожает историю. У нее много исторических книг, особенно связанных с родословной. Она на этой почве стала копать и в своих «корнях». Узнать о своих предках как можно больше и стало смыслом ее жизни.

И вот где-то в середине мая ей позвонила любимая тетка: — Просенька, ты давно мечтала что-то узнать о наших предках, а тут такая возможность! Я встретила старую знакомую, а она приехала с Алтая...

В общем, ее монолог длился больше часа, где было расска-

зано про всех деревенских знакомых. Суть состояла в том, что Прося могла сама поехать в те же места и с пользой дела отдохнуть, тем более, что теткина знакомая жилье гарантировала.

— И вообще, Просенька, ты такая уставшая. В последнее время отдохнуть в деревенской тишине тебе не помешает. А на работе и без тебя справятся. Вера Михайловна за порядком присмотрит.

В конце мая, прихватив небольшой багаж, Прося отправилась отдохнуть на пару недель, но эта поездка коренным образом перевернула всю ее жизнь. У Прасковьи была большая родня, и все они — выходцы с Алтая. У ее бабушки было семь сестер и один брат, родились они в селе неподалеку. Вот туда и отправилась моя подруга.

Встретила ее теткина подруга. Прочитав записку, она долго смотрела на Прасковью, а потом изрекла:

— Ух! И красивая ты. Я таких только в кино видела. Не ожидала я от Вальки, что у нее такая племянница! Пожалуй, отправлю я тебя от греха подальше в хутор Станный к Аглае. Там тихо, никто мешать не будет. По окрестностям походишь. Акакий знает те места, он тутошный, здесь родился, может, чего и найдешь в развалинах.

В это время ее муж запрягал лошадь, чтобы вести продукты на продажу к трассе. Снарядив телегу, он весело подмигнул Просе.

— Садись, красавица, довезу тебя с ветерком хоть на край

света!

— Я тебе дам на край света, к вечеру, чтобы дома был. И все распродаю, а то кормить не буду!

Телега весело закрипела и тронулась.

Весна в этом году выдалась ранняя и жаркая. Когда выехали за село, воздух сразу же наполнился зноем, запахом трав, жужаньем пчел и потрескиванием кузнечиков. Природа жила каким-то необъяснимым миром — сама по себе. И все здесь опьянено ароматом цветущих трав, чистотой воздуха и бескрайним небом.

— Далеко до хутора? — решила завести разговор Прося.

— Километров десять, — ответил дед.

— А почему Странный?

— А вот сама догадаешься, как туда приедешь. Никто там не уживается. Вот три чудика только и живут, но ты, наверное, уживешься — имечко у тебя подходящее! — и он весело засмеялся, показав свой беззубый рот.

Прося в ответ улыбнулась, она привыкла уже, как окружающие реагируют на ее имя.

— А вокруг еще есть деревни или жилье какое? — решила сменить тему подруга.

— Раньше были, а уж лет двадцать никого нет. Считай, до трассы только этот хутор и стоит, и то в стороне, не каждый туда заезжает. А что там делать? Речки рядом нет, лес далековато, вот и обходят хутор мимо. Кругом поля да луга и вся красота!

— А домов там много?

— Да всего четыре. Акакий две избы поставил. В одной он живет, в другой — Аглая, тоже из местных. Где-то на заработках моталась по всей стране, приехала в село, а в ее избе уже давно другие живут. Другая бы скандал подняла, судиться стала, а она гордая — на квартире жила, а потом к Акакию напросилась — он ведь этот хутор обжил. А тут года три назад Федот объявился. Говорят, городской, из бывших «крутых». Сам себе дом построил из этих сэндвич-панелей и пасеку поставил. Весну и лето пасекой занимается, а на зиму в город уезжает. Говорят, у него бизнес! Неплохой, наверное, на машине «крутой» ездит, тут у местных ни у кого такой нет. Вот и все жильцы.

— А в четвертой избе кто живет? — удивилась Прося, отмахиваясь от надоедливых комаров.

— А, забыл, дочка. В прошлом году Федот привез с собой художника, друг его школьный, что ли. Где-то за месяц поставили ему домик из этих... — дед чертыхнулся, — в общем, панелей. Вот он до глубокой осени в нем жил. Бродил по окрестностям со своим мольбертом. Иной раз едешь в город, а он где-нибудь на дороге вылезает, как черт из табакерки, так сердце в пятки убежит. Мало того, что эту доску тащит, т. е. мольберт, так еще сам косматый, волосы почти до плеч, глаза безумные. В общем, маньяк! Если не знаешь, так и подумаешь, — заключил дедок.

— А потом куда делся? — заинтересованно спросила

Прасковья.

— В селе поговаривали, что до встречи с Федотом Зосим пил сильно.

— А это кто?

— Тьфу! Я что, не сказал? Художника этого так звали. Так вот, жена ушла от него. Муза тоже удалилась (при этих словах на лице Проси заиграли ямочки). Жить не на что, какие картины были, все за бесценок продал, а новые не писались. Вот Федот и приволок его на хутор, можно сказать, на физиотерапию.

На хуторе никто не пьет, может, поэтому к ним никто и не заглядывает. Какая радость сидеть в чистом поле на трезвую голову! Вот и прозвали хутор Станным.

— И куда Зосим делся?

— Зимой перебрался к Акакию, в своей избушке-то холодно было. Всю зиму за мольбертом сидел, а весной, когда Федот приехал, его вместе с картинами в областной центр повез. Выставку в музее организовал. Слышал, большой успех имел, даже эту картину у него музей выкупил. Одна больно сильная картина у него есть. Моя бабка ездила, когда в райцентр, заходила в музей, видела. Может, врет, но честно, она редко кого хвалит, а тут сказала — глаз не оторвать. Вот, красавица, съезди, тоже посмотри — и у нас есть таланты, не только у вас в городе.

— Обязательно съезжу! — Просю даже заинтересовала эта история.

— Вот после него домик-то пустует. Наверное, в него хочет моя старуха тебя и хочет поселить на лето.

— Да нет, я хочу всего на пару недель.

— Все так говорят. А как попадут туда — и надолго застрянут. Какая-то сила их там удерживает.

Легкий холодок пробежал по телу Проси, как знак того, что что-то необычное и загадочное ее ждет впереди. Как в детстве, когда бабушка рассказывала страшные истории, по спине бежали мурашки, а все равно хотелось знать, чем же все это закончится.

— Дедуль, а что-нибудь интересное в этих местах есть?

— Интересное-то есть, да не каждому это нравится.

— Это почему?

— Иногда такая чертовщина происходит, волосы на голове дыбом стоят.

— Это как?

— А вот в этих местах, где мы сейчас проезжаем, — дед махнул налево.

Девушка инстинктивно повернула голову за рукой и увидела в метрах ста из травы выглядывали остатки дома. Он был уже полностью разрушен, оставались только небольшие участки фундамента и остов печи с трубой.

— Говорят, что здесь еще до войны жила ведьма.

— Дед, не пугай меня. Уж такого нигде нет, и только выдумывают люди сами страшные истории.

— Ты как знаешь, а я как тут проезжаю — всегда крещусь.

— И он три раза перекрестился. — Хочешь верь или не верь, а я тебе расскажу, что мне еще мои родители рассказывали и бабка моя. До революции в нашем селе, правда, в то время это была небольшая деревенька, жил польский пан. Приехал он сюда вслед за своей возлюбленной. Вроде бы у них что-то было, но потом она бросила этого пана и приехала сюда на Алтай. Каких кровей она была, вернее, каких у нее не было, сказать трудно, но уж больно красивая была. Наверное, как ты. — Дед довольный глянул на Просю.

Просе было приятно слышать от старика такие слова.

— В общем, она поселилась в этом доме, что мы проехали, а он жил там в селе. Каждый день навещался к ней, а она дверь закроет и не пускает к себе. Почему поругались — никто не знал и, наверное, не узнает. Постоит под ее окнами, сядет в свою бричку и едет домой, пьет горилку. Пан был не из бедных, и деньги у него водились, золотишко. Жил он в свое удовольствие, но до счастья ему не хватало только любви. Замира, так звали девицу (говорят, татарских кровей у нее много было), его не замечала, на людях над ним смеялась, а он все это терпел. Все бы ничего, но связалась эта Замира с нечистой силой. Как-то у нее на постой остановилась цыганка, прожила у нее все лето, а к зиме ушла, вроде бы в табор вернулась. И с тех пор Замира изменилась. Стала ходить во всем черном. Все время проводила в своем огороде. Какие-то травы выращивала, а потом сушила. И поползли слухи, что могла она на травах приворожить любого, за-

говорить болезни или насладиться порчу. С ней боялись общаться, но люди все видят — и ночью к ней приходили посетители. Обычно женщины или девки молодые, иногда семейные пары. Но все старались прийти под покровом темноты.

Тут грянула революция — пан сбежал за границу. Звал с собой Замиру, но она не пожелала ехать с ним. Говорят, он ей много драгоценностей оставил: часть с собой забрал, а часть в имении закопал. До сих пор дураки ходят, копают, где дом стоял — клад ищут. Я, например, не помню, чтобы что-нибудь серьезное нашли. Так по мелочи — то иконку серебряную, то медальон, то шкатулку.

А Замира совсем одичала. Когда сталинские времена настали, объявили «гонение на ведьм», так она уединилась. Редко кто к ней заходил, боялись, что посадят. Замира стала хитрить и к людям приходить не в образе человеческом, а в кого-нибудь обернется: то в лису, то в птицу. Уж больно она любила в лису превращаться. Едет поздний путник, она прыгнет на телегу, едет и хохочет. Человек немеет от этой встречи, сказать ничего не может. А она прокатится, спрыгнет и еще что-нибудь на прощание скажет.

Бабка мне говорила, что если она человеку «до свиданья» скажет, все нормально будет, а если «прощай» — не жить тому ездоку, вскоре помрет.

Боялись этого места, старались объехать, а как объедешь — самый короткий путь был до села. Самое страшное произошло, когда помирать она стала. Это уж и я помню. Она

долго жила, стала скрюченная, от бывшей красоты ничего не осталось. А ведьмы, если дар некому передать, тяжело умирают. Не поверишь, но дня три точно над домом вой стоял, а ночью видно было, как вокруг дома облака кружились. Потом все затихло, и через минуту из трубы вылетел столб дыма. Покружился над трубой и растворился.

Вот с той поры в этих местах происходят странные истории.

В доме, где жила Замира, никто не селился. Иногда заезжие оставались на ночь, но утром ни свет ни заря из дома бежали, и в селе их больше никто не видел. Что там происходило, никто не знает, но догадывались. Всего скорее, их бабка всю ночь донимала. Дом сам по себе разрушился. Местные на доски растащили избу. Так вот, кто доски таскал, у всех какие-нибудь несчастья случались: то руку сломал, то ногу, у кого дом сгорел, кто заболел и помер. Вот такая хренотень. Конечно, со временем все забывается, но все-таки, говорят, пробежит иногда лиса в лаптях, бежит по дороге и ничего не боится. И всегда это к плохому. Жалеет только красивых девок, а у нас их в селе и нет почти, все в город уехали судьбу испытывать. Тебе, Прося, повезло, ты красавица, тебя она не тронет, значит, и мне будет хорошо.

У Проси перехватило горло от этой истории.

— А за что красавиц жалеет?

— Да, видать, от своей красоты настрадалась, ничего она ей не дала. Мужики ходили, а толку никакого: ни семьи, ни

детей, а в добавок и бабы не любили. Вот, видать, и оберегает вас, лишний раз не беспокоит. И так вам не сладко живется.

Дед замолчал. Прося тоже затихла. Ничего не ответила. Так они молча и доехали до хутора.

Глава 2. Встреча

И вот на горизонте показались несколько крыш. Дома стояли недалеко друг от друга, образуя полукруг.

Подъехав ближе, они увидели в центре этого поселения небольшую беседку, сверху донизу увитую вьюном. Казалось, что даже солнце не пробивалось сквозь его заросли. Вокруг беседки ярко горели «звёздочки» настурции. В беседке за столом сидели трое и пили чай.

Дед остановил телегу напротив и громко крикнул:

— А ну, затворники, принимайте гостью! Смотрите, какую красу я вам привёз!

Вся троица — старик, старуха и молодой мужчина — молча следили за гостями. Откуда-то из-за беседки появился кот немаленького размера. Кот был весь чёрный, и только белая мордочка и «тапочки» делали его удивительно милым. Он тоже наострил свои ушки с кисточками, чтобы быть в курсе всех событий.

Девушка спрыгнула с телеги, и все хуторяне округлили глаза от удивления, а дед даже открыл рот.

На Просе ладно сидели голубые джинсы, и футболка обтягивала её фигуру; светлые волосы были собраны в хвост, но небольшие локоны выбились из него и кокетливо обрамляли её лицо.

— Здравствуйте! — сказала Прося и улыбнулась, на её

лице заиграли ямочки.

— Аглая, чего сидишь? К тебе её моя бабка прислала. Вот письмо и гостинцы вам всем передала.

И он стал доставать свёртки из телеги. Когда всё выгрузил, натянул вожжи и поехал.

— Вы тут знакомьтесь, а я на обратном пути загляну. Чаем хоть угостите?

— Вечером посмотрим, — ответил сурово старик.

Вся тройка вышла из беседки и встала напротив Проси.

— Ну, давай, дочка, знакомиться. Я — Акакий, это — Аглая, — он показал на женщину, — а это наш Федот, и кот Мефодий. Вот и все жильцы!

— А я — Прасковья, — негромко сказала девушка.

И что тут началось! Вся троица весело переглянулась и стала смеяться. У деда от смеха даже на глазах появились слёзы. Вдоволь насмеявшись, старик сказал:

— С этого бы и начинала! С таким именем ты здесь приживёшься, а то красавица — красавица, а человек-то наш!

Вдобавок кот стал тереться о ноги Проси.

— Даже кот тебя признал, так что добро пожаловать на наш хутор.

— Ну, Аглая, пои Прасковью чаем и посели её в дом Зосима, а мы работать — солнце уже высоко.

И Акакий с Федотом разошлись по своим домам.

Прасковью поселили, как дед и предполагал, в домике, где прошлым летом жил художник.

Дом стоял на таких высоких сваях, что под него можно было зайти, даже не наклоняясь. Высокое крыльцо вело на просторную светлую веранду, залитую солнцем.

Когда Аглая завела Прасковью внутрь, у той от удивления перехватило дыхание. Перед взором открылась просторная комната, поделённая на две части. Одну половину занимали кровать, стол, в углу у окна — комод. И всё это было чисто прибрано, застлано салфетками, а на кровати поверх одеяла и покрывала возвышались большие три подушки, которые заманчиво топорщились своими углами, а поверх них красовалась кружевная накидка. Вторую половину занимали небольшая печь, кухонный стол и навесной шкафчик, из которого выглядывала нехитрая утварь. От всего этого веяло уютом и теплотой; казалось, что сейчас выйдет бабушка и детство опять вернётся.

— Как здесь хорошо! — сказала Прося.

— Я рада, что тебе понравилось. Я на всякий случай поддерживаю порядок. Вдруг кто нагрянет в гости — будет где переночевать. Вот, значит, не зря старалась. Располагайся!

— Я ненадолго, недельки на две.

— Ну, как знаешь, а вдруг понравится и насовсем останешься! — Аглая весело подмигнула.

— Да нет, у меня в городе работа, друзья...

— Поживём — увидим. Если есть захочешь, в беседку приходи. Там всегда что-нибудь есть пожевать. Но у нас строгое правило: утром в 6 утра и в 8 вечера все собираются

в беседе за чаем, остальное время чем хочешь, тем и занимайся.

Старуха повернулась и вышла из избы.

Прося осталась одна в доме. Ещё раз окинула всё взглядом и тут заметила, что на полу настелены самотканые половики — такие, как бабушка ткала из старых тряпок. Рвала их на верёвочки, потом сматывала в клубочки, подбирала по цветам, а затем ткала на станке. Станок был небольшой, но пока бабушка ткала половики, его не убирали, и порой он так надоедал, что все с нетерпением ждали окончания бабушкиной работы. Но зато результаты работы того стоили. На полу лежала такая красота! У бабушки даже заказов было много.

Прося обошла комнату. В избе было три окна, выходящие на разные стороны. Она подошла к одному из них. Открылась прекрасная панорама. Перед ней лежала бескрайняя степь, покрытая ранними майскими цветами. Они, как разноцветные камешки, пестрили на зелёной траве. Прося открыла окно, и дурманящий сладкий запах заполонил небольшую комнату.

Девушка принялась извлекать из сумки свои вещи и развешивать в небольшой шкаф, где заботливой Аглаей были оставлены вешалки. После этого Прося удовлетворённо посмотрела на себя в небольшое зеркало, висящее над комодом, улыбнулась в него, подмигнула себе и проговорила:

— А всё складывается не так уж плохо! И мне здесь нравится.

Глава 3. Акакий

Конечно, самой колоритной фигурой в деревеньке был Акакий. Трудно было определить его возраст — всё зависело от времени суток и его настроения. Утром он был упрям, неразговорчив, что-то бубнил себе под нос о тяжёлой жизни и казался девяностолетним стариком. Вечером же, когда он возвращался с коровой домой, глаза его сияли, на лице, казалось, исчезали морщины, а от утренней сутулости не оставалось и следа. Тогда Акакий выглядел вполне крепким мужичком слегка за шестьдесят. Был он худощав, среднего роста, но в нём ещё чувствовалась сила — такие в обиду себя не дадут.

Прасковья жила в деревеньке третью неделю и видела деда всегда в одном и том же наряде. Плащ брезентовый до щиколоток, под которым временами просматривалась рубаша, да стёганные штаны неопределённого цвета. Шапка-ушанка и кирзовые сапоги довершали этот нехитрый наряд. Ни жара, ни дождь не могли заставить Акакия изменить что-либо в своём одеянии. Только в сильный дождь его голову прикрывал капюшон.

В этот вечер он шёл, как обычно неторопливо, за своей коровой Кассиопеей, держа в руках букетик полевых трав, и изредка поднося его к лицу, наслаждался ароматом.

Прасковья сидела на крыльце и наблюдала эту идиллию.

Дед, повстречавшись с девушкой взглядом, тоже присел на крыльцо ступенькой ниже. Оба сидели молча, любуясь закатом солнца и простором, открывавшимся перед ними.

Первой заговорила Прасковья:

— Дед, прости, давно я хотела у тебя спросить... Вот ты не пьёшь, не куришь, что в наше время редко бывает, а живёшь один. Многие бы пошли за тебя, хотя бы взять нашу Аглаю, — и она махнула рукой в сторону бабкиного дома.

Акакий долго молчал. Девушка думала, что он ей так и не ответит, но он заворочился на месте и каким-то хриплым голосом начал:

— Нет, Аглайка за меня не пойдёт. Я даже боюсь её звать, знаю — откажет, она всю жизнь одного любит. Жизнь у неё тоже не сахар была, но характер железный. Мы здесь не от хорошей жизни живём. Иногда и людей видеть не хочется. Вот и живём с Аглайкой вдвоём на всю деревню, да на лето Федот приезжает. Да он нам не мешает, почти всё время с пчёлами возится.

— А давно ты здесь живёшь?

— Да лет десять, может и подольше, точно уж и не помню.

И начал Акакий рассказывать свою историю, издавек, не спеша, как будто хотел выговориться за долгие годы.

Родился он недалеко от этих мест, тогда здесь было большое село и называлось оно Акакиевка. Получило оно своё название оттого, что почитай в каждой семье был сын Акакий. Детей тогда называли по церковным книгам, какое имя

на день рождения выпадает — так и называли. А рождаемость в деревнях после долгой зимы как раз на осень приходилась, вот и появлялись Акакии чаще, чем, скажем, Порфирии или Куприяны.

— А что, Акакий — хорошее имечко, кругленькое.

Родился Акакий в последнюю осень перед войной. Детство было как у всех: одеть нечего, поесть — что бог пошлёт. Отца с войны не дождались — погиб уже в конце где-то в Венгрии. Мать одна растила четверых, Акакий был младшим.

Отучившись в школе и отслужив в армии, вернулся в село. Руки были у Акакия золотые, работал на тракторе, токарничал в мастерской. Любую деталь мог выточить, отремонтировать любую технику. Женился по любви, взял не последнюю девку на селе, ещё до армии с ней сдружились. Построил дом своими руками, ребятишки пошли. Старшая дочь, потом два сына друг за дружкой.

Работающие люди в городе стали жить получше, и, чтобы не отставать от них, некоторые мужики стали уезжать из деревень на заработки в другие края. Вот и Акакий подрядился с мужиками из села, создали они артель и начали ездить по сёлам и деревням, строить дома, клубы, свинарники. Дела пошли хорошо. Акакий втянулся, понравилось — с ранней весны до поздней осени вкалывал, а зимой приезжал домой на отдых. Тут он отводил душу — ходил в гости к родственникам, к друзьям, хвастался обновами да жизнью вольной.

В селе жизнь круглый год кипит — не успеют посевные закончить, как убирать хлеб надо, зимой в зернохранилище дел невпроворот. Женщины на ферме с утра до вечера, дети в школе — сами по себе растут, — и все при деле. Только Акакию скучно. Отдал жене заработанные деньги, вручил детям подарки, а дальше вроде и заняться нечем. Он же приехал отдохнуть, сил набраться... От скуки стал понемногу попивать и не заметил, как втянулся. Артель собралась ехать на новую стройку, а он так и не оклемался. Вот так и показилась вся жизнь под откос.

Жена умоляла, плакала, Акакий честно обещал не пить, но на следующий день всё начиналось сначала. Не заметил, как дети школу закончили, в город уехали учиться, — всё прошло мимо в пьяном тумане. Жена тянула детей, дом, периодически получая очередные обещания «завязать» и уже ни на что не надеясь.

Дочь устроила свою судьбу в городе, вышла замуж. Сыновья, не надеясь на родительскую помощь, тоже рано стали самостоятельными. Вот тогда и матери стало полегче.

Молодые редко приезжали на побывку, гостили обычно недолго, так как Акакий, потерпев день-другой без горячительного, потом всё-таки не выдерживал. Набравшись под завязку, представлялся перед гостями «во всей красе», круша всё вокруг, при этом понося жену непотребными словами и хвастаясь былыми заслугами. Дочь от несправедливости и жгучего стыда за отца потихоньку плакала и жалела

несчастную мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.